

В императорском кабинете воцарилась мертвая тишина. Казалось, упади сейчас на пол иголка — и этот звон набатом отдался бы в ушах каждого присутствующего.

Император стоял неподвижно, побледнев от ярости. Он вперил в Третьего принца тяжелый, налившийся кровью взгляд, полный глухой злобы. Его грудь тяжело вздымалась, а свистящее, прерывистое дыхание выдавало бушевавший внутри гнев.

Евнух Юань Бао, превзошедший всех в умении разгадывать монаршие помыслы, поспешно склонил голову чуть ли не до самого пола. Миновало столько лет, и имя Императорского благородного супруга прозвучало вновь. Но кто бы мог подумать, что покойного осмелится помянуть именно Третий принц Цзи Ло?

Даже лекарь Чжоу, пользовавшийся особым расположением государя, в свое время решился лишь вскользь упомянуть «старого друга» и тут же прикусил язык. Юань Бао осторожно, едва слышно вздохнул. В памяти его ожил образ Ван Ина, всколыхнув застарелую, светлую грусть.

Второй принц Цзи Жун смутно помнил те дни, но, будучи старше брата, все же знал, каким небывалым могуществом и почетом пользовался когда-то отец Цзи Ло. Ему было известно и то, что имя покойного Императорского благородного супруга давно превратилось в главное табу этого дворца.

Честно говоря, за давностью лет, да еще и при полном равнодушии императора к Цзи Ло, его родители никогда не приходил Цзи Жуну на ум. Если бы не внезапное появление у ложа государя этой сомнительной особы и не сегодняшний дерзкий допрос, устроенный братом, он и не вспомнил бы о прошлом.

Сам же Цзи Ло заговорил об отце лишь потому, что рядом с императором объявилась новая фаворитка.

Эта женщина была до дрожи похожа на покойного Императорского благородного супруга. Не питай император к усопшему прежней нежности, он ни за что не стал бы держать при себе столь точное чужое отражение.

Дворцовые тайны минувших лет, судя по собранным слухам, казались делом простым и ясным, но на проверку представляли собой тугой, запутанный узел. Распутать его без посторонней помощи было почти невозможно. Поэтому, завидев подле отца новую наложницу, Цзи Ло почуял: это его единственный шанс пробить глухую стену лжи.

Как бы фаворитка ни походила на его покойного отца, она оставалась не более чем жалкой подделкой.

К тому же в прошлой жизни эта фальшивка так и не объявилась. Очевидно, непредсказуемый взлет Хан Сиэня в этот раз до смерти напугал Вдовствующую императрицу. Привыкшая вершить чужие судьбы из тени, старая интриганка занервничала и поспешила подложить

императору прелестницу, готовую в нужный момент нашептать на ухо нужные слова.

Прежде Цзи Ло не ведал, что на самом деле таит в душе государь. Даже умирая от сомнений и вопросов, он не смел и заикнуться о них перед грозным родителем, который всю жизнь платил ему лишь ледяным презрением.

Но то торопливое рвение, с которым Вдовствующая императрица подсунула эту девицу, укрепило его в догадках. Император до сих пор тосковал по Ван Ину. А раз так, стоило пойти на риск и высказать свои подозрения вслух.

В глубине души у него теплилась уверенность: за обе прожитые им жизни отец, пусть и презирал его, пусть и бросил прозябать в неизвестности, никогда не желал ему смерти.

Однако монаршая милость держалась лишь на памяти об отце. Если эта безродная кукла займет место покойного супруга — пускай на миг, пускай лишь в хмельном угаре, — кто поручится, что государь не сочтет Третьего принца лишней, досадной помехой?

Власть мимолетна, а человеческое сердце переменчиво. Цзи Ло не желал безвольно ждать часа, когда окажется загнанным в угол. Именно поэтому сегодня он поставил на кон все.

Один лишь Хан Сиэнь сохранял полное, невозмутимое спокойствие. Будучи сторонним наблюдателем, он безучастно взирал на то, как сильные мира сего изнывают от обиды, злости и уязвленной гордости.

Сдерживая рвущуюся наружу ярость, император указал дрожащим пальцем на резные створки дверей и рявкнул:

— Пошел вон!

Цзи Ло даже не шелохнулся. Прямой как натянутая струна, он упрямо стоял на коленях, делая вид, будто оглушительный крик его не касается. И неудивительно: стоило им переступить порог кабинета, как обо всем случившемся здесь мигом доложат тем, кому положено знать дворцовые новости.

Затеяв эту опасную игру, принц не собирался отступать и давать Цзи Жуну с Вдовствующей императрицей время сговориться и замять дело. Сегодня он во что бы то ни стало должен был заставить отца высказаться прямо.

Так, чтобы никто в Поднебесной больше не посмел осквернить память о былом.

Видя его упрямство, император уже собирался кликнуть стражу, чтобы наглеца выволокли взащей, но тут неторопливо подал голос Хан Сиэнь. Лицо его выражало глубокую сосредоточенность:

— Ваше Величество, вопрос о происхождении Второго принца и второго молодого господина Бая затрагивает чистоту императорской крови. Покорный слуга полагает, что дело требует самого тщательного расследования.

Он умышленно не упомянул покойного благородного супруга, вновь переводя удар на Цзи Жуна и Бай Эня.

Слова маркиза подействовали на государя отрезвляюще, прогнав остатки слепой ярости. Он нахмурился и ледяным тоном спросил:

— А ты не сговорился ли с Цзи Ло, явившись во дворец именно сейчас? Решили разыграть передо мной это представление?

Хан Сиэнь изобразил на лице крайнее изумление:

— Ваше Величество, ваш слуга никогда не водил дружбы с Третьим принцем. О каком сговоре может идти речь? К тому же подмена члена императорской семьи — дело государственной важности. Стал бы Его Высочество доверять столь опасную тайну постороннему?

Гнев императора утих еще немного. Хан Сиэнь говорил разумно: если отбросить в сторону старые обиды, связанные с Ван Ином, возможная подмена наследника действительно грозила обернуться катастрофой для престола.

Проделки Бай Эня требовали немедленной проверки. Что же до Цзи Жуна, то в его родстве государь почти не сомневался.

Мать Второго принца хоть и почил безвременно, но все записи о ее беременности и родах велись со строжайшей точностью. Да и после того, как сироту взяла на воспитание Благородная супруга, император частенько навещал мальчика.

К тому же, как верно подметил Цзи Ло, они с Бай Энем были разного возраста.

И все же, глядя на коленопреклоненного Цзи Жуна, государь испытывал глухое, неприятное раздражение.

Хан Сиэнь, словно не замечая колебаний повелителя, веско добавил:

— Ваше Величество, я полагаю, всех причастных к этому делу следует немедленно взять под стражу до выяснения обстоятельств.

Цзи Жун поймал на себе взгляд отца — холодный, лишенный прежней теплоты. Он готов был растерзать Цзи Ло на месте, а уж от коварного предложения Хан Сиэня в груди у него и вовсе

вскипела ярость.

Оказаться под замком без предъявления явных обвинений? Для принца, который лишь недавно начал крепить связи с влиятельными сановниками, это было равносильно политической смерти.

Мириться с подобной наглостью он не собирался. Наплевав на недовольство отца, Цзи Жун резко бросил:

— Наследник Хань предлагает обращаться со мной как с колодником? Тебе ли не знать, какая кара грозит за посягательство на свободу члена императорской фамилии?

Обычно тихий и уступчивый, Второй принц впервые за долгое время заговорил с высоты своего высокого положения.

Хан Сиэнь, виртуозно умевший обращать чужие доводы против них самих, согласно закивал:

— Вовсе нет. Речь идет не о темнице, а лишь о временном надзоре и запрете на общение с внешним миром. Мера вынужденная, и я уповаю на благоразумие Второго принца. Ваше Величество, дабы избежать утечки слухов, под замок надлежит посадить не только Его Высочество и Бай Эня, но и всю его родню. Иначе истину нам не раскопать.

У Цзи Жуна от злости едва челюсть не свело. Теперь он понимал, почему столичные чиновники бежали от Хан Сиэня как от чумы: язык у этого выскочки был на редкость ядовитым.

Хан Сиэнь и не думал заискивать перед принцем. С тем же невозмутимым видом он добавил:

— Полноте, дело государственной важности. К слову, Третьего принца тоже не мешало бы изолировать. Он обвинил брата голословно, и нам еще предстоит выяснить, не имела ли здесь место банальная клевета.

Император коротко, сухо хохотнул:

— Обвинять без улик? Разве это не твоя любимая забава?

Благодаря своевременному вмешательству Хан Сиэня, вспышка гнева, вызванная поминанием Ван Ина, окончательно угасла, и государь даже нашел в себе силы для привычной пикировки с маркизом.

Хан Сиэнь напустил на себя обиженный вид:

— Помилуйте, Ваше Величество. У меня-то доказательства всегда на руках.

— Слепая курица тоже иногда зерно находит, — фыркнул император. Если бы не редкое везение, сопровождавшее разоблачения Хан Сиэня, тот бы давно уже лишился головы, а не надоедал ему тут своими глупостями.

Наблюдая за этой непринужденной беседой, Цзи Ло изнывал от нетерпения.

Он прекрасно понимал: разворошив старое гнездо воспоминаний, он рискует навлечь на себя страшную кару. В лучшем случае ему позволят тихо уйти, в худшем — запрут во дворце под домашний арест.

В последние недели он тайно наладил связь с поместьем маркиза Цзинго и, убедившись в их преданности, попросил дядю начать негласное расследование. Люди маркиза давно укрепились при дворе, и теперь Цзи Ло нужно было лишь направить подозрения императора так, чтобы ведение дела поручили верному человеку из ведомства дяди.

Но Хан Сиэнь спутал ему все карты. Он бесцеремонно влез в разговор, перетянул все внимание на себя и при этом упрямо обходил тему покойного благородного супруга молчанием. Шанс уплывал из рук, и это приводило Третьего принца в отчаяние.

Кроме того, лезть в столь грязные тайны императорской семьи для Хан Сиэня было чистым самоубийством. Когда пыль уляжется, государь непременно вспомнит, кто стал свидетелем его позора, и решит избавиться от лишнего свидетеля.

Подать маркизу знак в присутствии государя Цзи Ло не смел. Ему оставалось лишь безмолвно молить небо, чтобы эта ядовитая чаша миновала Хан Сиэня.

Между тем мысли императора текли в ином русле. Перебрав в уме всех министров и военачальников, он пришел к досадному выводу: никто не справится с этим деликатным поручением лучше, чем Хан Сиэнь — бездельник, не прослуживший на благо престола ни единого дня.

От этого открытия лицо государя сделалось совсем угрюмым, и он с прищуром воззрелся на юношу.

Заметив боковым зрением, что Цзи Ло снова собирается подать голос, разгневанный отец схватил со стола тяжелую яшмовую чернильницу и швырнул в сына. Снаряд со свистом пролетел мимо и с грохотом раскололся о пол прямо за спиной принца. Сантиметром левее — и голова парня превратилась бы в кровавое месиво.

Цзи Ло похолодел от ужаса. Готовые сорваться с языка слова так и застряли в горле.

Император повернулся к евнуху:

— Юань Бао, пиши указ. Второго и Третьего принцев заключить под домашний арест в их собственных усадьбах. Выставить у ворот караул из гвардейцев. Никого к ним не пускать, писем не принимать.

Прежде чем старый слуга успел склониться в поклоне, вмешался Хан Сиэнь:

— Ваше Величество, сие решение грешит уязвимостью. В родных стенах удержать тайну невозможно — верные слуги все равно найдут способ передать весточку на волю. Разумнее подыскать для них уединенное, незнакомое им обоим место и поселить их вместе. Так они станут приглядывать друг за другом, да и подготовить побег или заговор в спешке не сумеют.

Император смерил его долгим взглядом. Запереть злейших врагов под одной крышей? Подобная каверза могла прийти в голову только Хан Сиэню.

Принцы вперили в маркиза полные ненависти взгляды, готовые испепелить его на месте.

Сам же виновник чужого гнева оставался безмятежен. Он сладко улыбнулся государю:

— Впрочем, покорный слуга поспешил. Ведь у нас есть еще и Бай Энь с его родней. Пожалуй, лучше всего арендовать просторную усадьбу и запереть там обоих принцев наряду со всем семейством Бай. Пусть гвардейцы бдят на постах, а узники следят друг за другом. Ни одна мышь не проскочит, ни единая весть не уйдет.

Цзи Жун и Цзи Ло переглянулись, и обоим стало тошно от одной мысли, что им придется делить кров. Их лица исказились от отвращения, и оба одновременно открыли рты, собираясь высказать свое возмущение.

Но Хан Сиэнь предупредил их протест, вкрадчиво протянув:

— Изначально я хотел предложить обменять их поместьями на время ареста, но вовремя одумался. Хозяин в чужих стенах мигом отыщет тайники и, чего доброго, подкинет фальшивые улики, дабы запутать следствие. Лишние хлопоты.

Эти слова заставили принцев мгновенно прикусить языки. У каждого из них имелось предостаточно скелетов в шкафу. Оказаться запертыми в резиденции врага означало добровольно выдать все свои тайны. На фоне такой угрозы совместное проживание казалось меньшим из зол.

Оба благоразумно промолчали.

Представив живописную картину вынужденного соседства двух соперников, император довольно прищурился и махнул рукой:

— Юань Бао, пиши. Сделаем так, как просит наследник Хань. Запереть их вместе. Пускай развлекают друг друга под присмотром гвардии.

Затем он перевел тяжелый взгляд на Хан Сиэня:

— И поскольку сия блестящая затея принадлежит тебе, расследование я тоже возлагаю на твои плечи. Учти: если до окончания следствия поползут слухи, ответишь головой.

Хан Сиэнь тут же соорудил кислую мину и забормотал:

— Но помилуйте, Ваше Величество, я лишь высказал скромную мысль. Сроки поджимают, где же мне среди бела дня сыскать пустую усадьбу?

— Твои заботы, — отрезал император с жестокой усмешкой. — Мне надобен лишь результат. Справишься — ждет награда. Провалишься — плаха.

Хан Сиэнь изобразил на лице глубокое раскаяние от собственной глупости. Но о том, что творилось у него на душе в действительности, не знал никто.

Взирая на понурых пленников и озадаченного маркиза, император почувствовал, как у него отлегло от сердца. Видеть чужие страдания всегда было для него лучшим лекарством от хандры. Он не спеша оглядел троицу и вдруг спросил:

— К слову, Хан Сиэнь. А зачем ты вообще явился ко мне сегодня?

Тот замялся, его лицо на миг выразило неподдельное смущение:

— Признаться честно, Ваше Величество, ваш слуга шел просить за наследника уездного князя Юна, Цзи Юэ. Насколько мне известно, он до сих пор не помолвлен, и у меня созрели кое-какие соображения на этот счет.

Разумеется, замысел его касался судьбы Хан Минчжу.

Но упоминать барышню в присутствии посторонних, дабы не вредить девичьей чести, маркиз не стал.

Император, глядя на эту постную, благонравную мину радетеля за семейное благополучие, глубоко вздохнул и вновь указал на порог:

— Забирай этих двоих и выметайтесь.

Хан Сиэнь изобразил на лице крайнюю неохоту, поднялся с колен и покорно склонил голову.

Вскоре по столице разнесся ошеломляющий слух: маркиз Вечного Покоя Хан Сиэнь покинул Запретный город в сопровождении целого полка гвардейцев, конвоировавших Второго и Третьего принцев Великой Чжоу.

Но что послужило причиной столь грозной опалы, не ведал никто.

<http://bllate.org/book/20088/2002053>